

Алексей Максимович Горький

ГРИВЕННИК

В тринадцать лет, среди тяжелых людей, в кругу которых я жил, сердце мое властно привлекала сестра хозяйки – женщина лет тридцати, стройная, как девушка, с кроткими глазами богоматери, – они освещали лицо, удивительно правильное и нежное. Эти голубые глаза смотрели на всё ласково, внимательно, но когда говорилось что-нибудь грубое или злое, – светлый взгляд странно напрягался, как это бывает у людей, которые плохо слышат.

Была она молчалива, – говорила только самое необходимое: о здоровье, о муже и погоде, о прислуге, священниках и портнихах; я никогда не слышал из ее уст дурного слова о человеке. Что-то осторожное и неуверенное было в ее движениях, точно она всегда боялась споткнуться или задеть кого-либо. Порой мне казалось, что она близорука, иногда я думал, что эта тихая женщина живет во сне.

Над ней посмеивались. Бывало, соберутся у хозяйки женщины, подобные ей – такие же толстые, сытые, бесстыдные на словах, – распарят себя чаем, размякнут от наливок, мадеры и начнут рассказывать друг другу анекдоты о мужьях, – сестра хозяйки слушает нагие слова, и тонкая кожа ее щек горит румянцем смущения, длинные ресницы тихонько прикрывают глаза, и вся она сгибается, точно травинка, на которую плеснули жирными помоями.

Заметив это, хозяйка радостно кричит:

– Глядите-ка, Лина-то зарделась.... Ой, смешная! А бабы ласково укоряли ее:

– Что это вы, словно девушка!..

В такие минуты я очень жалел эту чистенькую женщину, – мне тоже было стыдно слышать банные разговоры баб. Рассказывали не только голыми словами, но и улыбочками, жирненьким смехом, красноречивыми подмигиваниями, это возбуждало у меня отвращение и страх. Хмельные женщины казались похожими на пиявок. Особенно страшна была вдова подрядчика-маляра, тяжелая баба лет под сорок, с двойным подбородком, огромной грудью и глазами коровы. Улыбаясь, она высоко поднимала толстую верхнюю губу с усами, оскаливала тесный ряд острых зубов, а мутно-зеленые глаза ее как будто вскипали, покрываясь светящейся влагой.

– Муж любит, чтобы жена была бесстыдна с ним, – говорила она голосом пьяного дьякона.

– Не всякий, – возражали ей.

– Ан – всякий! Конечно, – ежели слабый, ему это не надобно, а хороший мужчина – стыда не любит. Отчего мужики с гулящими валандаются? Оттого, что гулящие умнее нас – бесстыжи. Стыд – для девиц, а женщине он только помеха.

Не все соглашались с ней, но все хвалили ее:

– Ну и смелая же вы, Марья Игнатовна!

Прислуживая за столом, я слушаю эти речи и вижу, как гнется лебединая шея милой женщины, вижу ее маленькие пылающие уши, запутанные в русых локонах, вижу, как ее пальцы ломают и крошат печенье. Мне до слез, до бешенства жаль ее, а бабы хохочут:

– Нет, вы глядите-ка, Лина-то!..

Я был уверен, что этой женщине невыносимо тяжело среди подруг, и для меня было ясно, что я должен помочь ей. Но – как?

Хотя я прочитал уже немало книг, однако ни в одной из них не было указано, чем может тринадцатилетний мальчик помочь женщине, вдвое старшей его. А в одной книге, на мое несчастье, было сказано: "Любовь не щадит ни попу, ни дьявола, она не различает возраста, мы все – ее рабы",

Я слишком хорошо для своих лет знал, каково некнижное отношение мужчин и женщин, но книги дали мне спасительную силу верить в возможность каких-то иных отношений, и я упрямо мечтал о них, воображая нечто величественное и трогательное. Не может же быть, чтоб для всех женщин и мужчин любовь являлась в тех же формах, в каких ее знают дикий бык, солдат Ерофеев и всегда пьяная, растерзанная, хвастливо бесстыдная прачка Орина.

Я упорно думал – как же мне помочь милой женщине, которая явно не хочет слышать и видеть грубостей жизни, не годится для них? Мне снились героические сны: вот я – атаман разбойников, здоровый молодец в красном кафтане, с ножом за поясом и в меховой шапке набекрень. Мои товарищи подожгли дом, где жила она, а я, схватив ее на руки, бегу по двору, к моему коню. Снилось, что я – колдун и мне подвластны все черти, они сделали невидимыми меня и ее; вот мы оба, легкие, как снежинки, плывем с ней по воздуху, над пустынным полем, синим от синего неба, а впереди, между пирамид елей, стоит снежно-белый дом, из окон его, открытых настежь, в